

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31696/S086919080032556-8

Для цитирования: Родин Д.В. [Рец. на:] Болдырев А.В. *Внешняя политика Турции в годы Второй мировой войны в современной турецкой историографии*. М.: ИВ РАН, 2023. 304 с. ISBN 978-5-907671-58-4. *Восток (Oriens)*. 2024. № 6. С. 260–265. DOI: 10.31696/S086919080032556-8

For citations: Rodin D.V. [Review of:] Boldyrev A.V. *Turkiye's Foreign Policy During the Second World War in Modern Turkish Historiography*. Moscow: IOS RAS, 2023. 304 p. ISBN 978-5-907671-58-4. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 6. Pp. 260–265. DOI: 10.31696/S086919080032556-8

Источник финансирования: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00461 «“Воображаемые регионы” между двумя мировыми войнами: проблемы конструирования и управления». <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>.

БОЛДЫРЕВ А.В. *ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*.
М.: ИВ РАН, 2023. 304 с. ISBN 978-5-907671-58-4.

© 2024

Д.В. РОДИН ^а

^а – Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0009-0002-5378-5342; enigma9307@mail.ru

Изданная в 2023 г. книга А.В. Болдырева – весьма известного в кругах востоковедов специалиста по истории Османской империи и Турецкой Республики – приоткрывает для отечественного читателя завесу над трудами современных турецких историков, пишущих о внешнеполитическом курсе Анкары в период Второй мировой войны. Это не первая работа автора на данную тему: до этого уже было издано несколько статей, анализирующих преобладающие в турецкой исторической науке взгляды на внешнюю политику Анкары в 1939–1941 гг. [Болдырев, 2022; 2023(1–2)]. Однако именно в ней автор в полной мере раскрывает подходы турецких историков к ключевым аспектам внешнеполитической активности Турции и тем противоречиям между Москвой и Анкарой, что были порождены новой международной обстановкой и в итоге привели к острому кризису в отношениях двух держав в послевоенный период.

Особую ценность труду придает тот факт, что А.В. Болдырев не замыкается исключительно на турецкой историографии, но на протяжении всей работы сопоставляет взгляды современных турецких исследователей с отечественными и зарубежными оценками тех же событий и процессов. Немаловажно и то, что автор привлекает исторические доку-

менты для подтверждения или, наоборот, опровержения сложившихся в историографии различных стран оценок действий Турции, СССР и западных держав (как стран Оси, так и Антигитлеровской коалиции) – в их число входят опубликованные дипломатические материалы, международно-правовые акты и источники личного происхождения. Прекрасным дополнением к ним служат размещенные в приложениях копии архивных материалов из фондов Архива внешней политики Российской Федерации, раскрывающих позицию Москвы в отношении Турции и черноморских проливов на завершающем этапе войны и предоставляющих автору дополнительные аргументы при оценке справедливости утверждений турецких историков (с. 241–301).

Можно было бы несколько посетовать на то, что автор избегает обращения к сборникам «Документы внешней политики СССР», «Советско-британские отношения в 1943–1953 гг.» и «Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников»: опубликованные в них материалы позволили бы полнее раскрыть содержание советско-турецких переговоров в начале Второй мировой войны и проследить обсуждение вопросов, связанных с Турцией, в рамках Антигитлеровской коалиции. Однако подобные сетования были бы несправедливы. Перед автором стояли совершенно иные исследовательские задачи: «...Дать оценку турецкой историографии Второй мировой войны и ответить, как современные турецкие историки оценивают советско-турецкие отношения и отношение Советского Союза к Турции в рассматриваемый период, проанализировать, как они аргументируют свою позицию» (с. 23). И с ними А.В. Болдырев справляется блестяще. На протяжении четырех глав он препарирует взгляды своих турецких коллег на ключевые вопросы, связанные с политикой Анкары во Второй мировой войне и в начале «холодной войны», и, опираясь на широкий корпус источников, дает оценку этим взглядам, соотнося их с мнениями, господствующими не только в российской, но и в англоязычной историографии, а также историографии стран ближнего зарубежья (в первую очередь Азербайджана и стран Центральной Азии).

Первая глава посвящена перипетиям советско-турецких отношений на начальном этапе Второй мировой войны – до нападения Германии и ее союзников на СССР 22 июня 1941 г. Как показывает автор, в турецкой историографии общепринятым является мнение, что заключение советско-германского пакта о ненападении, продемонстрировавшего, что «великие державы решают геополитические проблемы за счет малых стран» (с. 28), вместе с провалом московских переговоров Ш. Сараджоглу 25 сентября – 16 октября 1939 г. подтолкнуло Турцию к сближению с Францией и Великобританией и заключению Анкарского соглашения. Наилучшую оценку последнего, по мнению автора, дали турецкие историки М. Онсой и Г. Баба: с их точки зрения, для Анкары договор был не чем иным, как «попыткой уменьшить уязвимость страны, положив конец изоляции» (с. 40). С помощью соглашения от 19 октября 1939 г. турецкое правительство обеспечило свой нейтралитет в мировой войне, в то же время гарантировав себе защиту со стороны западных держав на случай германской или итальянской агрессии.

Следующие полтора года главной целью Анкары было «превратить статус своего стратегически расположенного государства “в актив”, извлекая экономическую выгоду из своего положения и избегая военного конфликта» (с. 52). Турецкое правительство в это время придерживалось курса, описанного автором как политика «равновесия» между западными демократиями, Советским Союзом и державами Оси: Анкара «присоединялась к сильнейшей стороне, не прерывая отношений и с другой» (с. 51).

Одним из важнейших событий данного периода, по мнению турецких специалистов, стал визит главы НКВД В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. По мнению многих турецких исследователей, сам факт переговоров о судьбе Турецкой Республики за ее спиной

нанес серьезный ущерб советско-турецким отношениям и подтолкнул Анкару к сближению с Берлином, проявлением чего стал германо-турецкий договор о дружбе и ненападении от 18 июня 1941 г. (с. 68–71). Однако, как справедливо отмечает А.В. Болдырев, не следует переоценивать последствия ноябрьских переговоров 1940 г. для советско-турецких отношений. Во-первых, СССР и Турции «удалось не сорваться на уровень взаимных обвинений» (с. 71), т. е. возможности для конструктивного диалога между ними сохранялись. Во-вторых, турецкое правительство, по всей видимости, было готово к подобному развитию событий и потому продолжало переговоры не только с Германией, но и с Советским Союзом. Их результатом стало издание в марте 1941 г. совместной декларации, в которой СССР гарантировал нейтралитет Турции в случае нападения третьей державы (с. 72).

Вторая глава посвящена динамике советско-турецких отношений в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и на начальном этапе «холодной войны» (1945–1946). Турецкие историки считают политику Анкары в 1941–1942 гг. «соответствующей политике нейтралитета», хотя и признают, что сам нейтралитет носил «плавающий» характер, а в отношениях с Москвой имел место ряд кризисов, отражающих не только «враждебное отношение Анкары к Советскому Союзу на начальном этапе войны при отсутствии его демонстративного выражения», но и дипломатические просчеты самого Советского Союза, в частности, покушение на германского посла в Турции Ф. фон Папена (с. 111–112). В немалой степени враждебность к Москве, напрямую связанная с прогерманскими симпатиями турецкого общества, объяснялась наличием войск Третьего рейха на Балканах и концепцией турецкого нейтралитета, подразумевавшей проведение политики «баланса» между Великобританией, Германией и Советским Союзом (с. 82). Вместе с тем признается наличие вопросов, осложнявших отношения Анкары с Москвой, а именно проблемы черноморских проливов и «туранского вопроса».

Первый вопрос был напрямую связан с опасениями турок относительно возможности заключения между СССР и его союзниками – США и Великобританией – соглашения о режиме судоходства через Босфор и Дарданеллы за спиной Турецкой Республики, что было следствием «польского синдрома» во внешней политике последней: Анкара опасалась повторить судьбу Польши, о разделе которой в своё время договорились Москва и Берлин (с. 93). Как следствие, укрепление Антигитлеровской коалиции «шло параллельно с возрастанием недоверия к ней со стороны Турции» (с. 95).

Что же касается «туранского вопроса», то, отмечая «ренессанс» пантюркистских настроений в годы войны, турецкие исследователи подчеркивают, что они были характерны для широких народных масс, но не правительства, и носили исключительно «неофициальный характер» (с. 99). Тем не менее справедливым представляется замечание А.В. Болдырева, что на первом этапе Великой Отечественной войны Анкара, придерживаясь политики нейтралитета, не исключала «возможности широких территориальных захватов, если бы к этому представилась возможность» – и полуофициальное пантюркистское направление во внешней политике «как нельзя лучше подходило для этого» (с. 103).

Как следствие, Турция в глазах советского руководства представляла страной, «формально сохранявшей нейтралитет, но фактически сотрудничающей с Германией» (с. 109), проявлением чего стало разрешение на проход через черноморские проливы замаскированных германских кораблей. Уже после войны это дало повод советской стороне обвинить Турцию в нарушении конвенции Монрё и требовать пересмотра последней. Любопытно, что англоязычная историография совместно с турецкой склонна оправдывать действия турецких властей в годы войны, связывая «некоторые нарушения Анкарой своих контрольных функций» со «сложным геополитическим положением страны» (с. 138).

Коренной перелом в Великой Отечественной войне, как отмечают турецкие историки, усилил опасения Анкары перед советизацией Восточной и Юго-Восточной Европы, из-за чего многие турки надеялись на «компромисс между Германией, Великобританией и Соединенными Штатами *в последнюю минуту*» (с. 113). Наряду с недовольством Москвы «небезупречным» поведением Анкары «в наиболее сложный для СССР период» (с. 116–117) и её нежеланием вступить в войну на стороне Антигитлеровской коалиции это вело к дальнейшему охлаждению советско-турецких отношений и возрождению заинтересованности советского руководства относительно пересмотра статуса черноморских проливов. А длительное сопротивление настойчивым требованиям Москвы, Лондона и Вашингтона вступить в войну (вплоть до 23 февраля 1945 г.) в результате сыграло противоречивую роль в истории Турецкой Республики. С одной стороны, Анкара сумела «сохранить целостность страны и не подверглась разрушительному эффекту войны», но, с другой, с завершением боевых действий турецкое правительство оказалось в международной изоляции – и «острые проблемы... политического одиночества Турции явно проявили себя в отношениях с Москвой в послевоенный период» (с. 152).

Вопрос о пересмотре статуса черноморских проливов, в свою очередь, являлся неременным требованием советской стороны начиная с Тегеранской конференции 1943 г. Последующее развитие переговорного процесса вокруг проблемы черноморских проливов, как считают турецкие историки, наглядно продемонстрировало, что к концу Второй мировой войны Москва была полна решимости использовать предоставленный ей «карт-бланш для ревизии системы взаимоотношений двух стран» (с. 151). Попытки турецкого правительства улучшить отношения с Антигитлеровской коалицией в 1944 г. (разрыв дипломатических и экономических отношений с Германией, арест наиболее одиозных деятелей пантюкистского движения) окончились провалом – по мнению турецких историков, из-за незаинтересованности советской стороны и её отказа от любых форм сотрудничества с Анкарой ввиду прогнозов о «бесперспективности военного сотрудничества с Турцией» (с. 131–133).

Тем самым в годы войны был подготовлен базис для кризиса в советско-турецких отношениях, начало которому положила денонсация Москвой в марте 1945 г. советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете. Вскоре началась проработка требований относительно пересмотра режима прохода через черноморские проливы и отторжения восточных вилайетов в пользу Советского Союза. Общим местом в работах историков является указание на однозначно негативную реакцию турецкого правительства (с. 167), при этом большое разнообразие наблюдается в оценках характера советских угроз: от намерения превратить Турцию «в государство-сателлит» до подчеркивания второстепенности вопроса о турецких территориях по сравнению с вопросом проливов (с. 174–175). Любопытным представляется указание турецких исследователей, что за 1920-е – 1940-е гг. внешнеполитический дискурс Турции по вопросу идентичности СССР «прошёл полный круг»: выдвижение советских требований привело к возрождению негативного образа северного соседа как наследника «царского экспансионизма» (с. 176), что способствовало дальнейшему обострению советско-турецких отношений и сближению Анкары с западными государствами.

Отказ турецкого правительства от требований, изложенных в советских нотах от 7 августа и 24 сентября 1946 г., обозначил поражение СССР в кризисе из-за черноморских проливов, а вступление Турции в НАТО в 1952 г. означало конец периода турецкого нейтралитета. По мнению турецких историков, Советский Союз понес «гораздо большие внешнеполитические потери», чем Турецкая Республика (с. 185), а причины его поражения следует искать в том, что Москва выдвинула «заведомо невыполнимые требования по исправлению советско-турецкой границы», что было обусловлено «в первую очередь

ошибками И.В. Сталина» (с. 187). При этом следует отметить два момента. Во-первых, оценивая советское предложение о создании совместных баз в зоне проливов как покушение на турецкий суверенитет, турецкие историки не рассматривают размещение в стране баз НАТО как «неуважение к независимости Турции» (с. 185–186). Во-вторых, в турецкой историографии доминирует следующая тенденция: кризис из-за проливов анализируется исключительно в рамках 1945–1946 гг., что исключает из рассмотрения предпосылки к его складыванию с 1930-х гг. Как справедливо замечает А.В. Болдырев, «более объективный характер носят те исследования, в которых данная проблема рассматривается начиная с межвоенного периода» (с. 187).

Третья глава позволяет более углубленно взглянуть на оценки турецкой историографией отношений между Турцией, с одной стороны, и западными державами, с другой. Турецкие историки едины во мнении, что в годы Второй мировой войны турецкое правительство проводило политику в духе «активного нейтралитета», при этом многие исследования турецкого нейтралитета – подчас весьма дружественного в отношении Германии – носят «оправдательный характер» (с. 192). Стремясь избежать втягивания в войну, турецкое правительство придерживалось, выражаясь языком турецких историков, принципа «приоритетного партнерства», в соответствии с которым до 1943 г. ключевой проблемой Анкары была германская угроза (с. 194). Как следствие, долгое время составной частью «активного турецкого нейтралитета» было поддержание дружественных отношений с Германией, что позволяло туркам усилить свой экономический потенциал, а в случае поражения СССР распространить свое влияние на советские территории с тюркским населением (с. 197).

Однако с момента коренного перелома в войне длительное сотрудничество со странами Оси обернулось для Анкары проблемами в отношениях с Лондоном и Вашингтоном. Хотя турецкие историки склонны критиковать «военную слабость» Великобритании и ее «зависимость от Советского Союза», равно как и «индифферентность США к турецким делам» (с. 209), они не могут не признать, что политика «активного нейтралитета», занятая Турцией в годы войны, имела своим следствием кризис в отношениях Анкары с западными державами после окончания глобального конфликта – «политическое одиночество» Турецкой Республики (с. 211), которое удалось преодолеть лишь ввиду обострения противоречий между Западом и Востоком.

Последняя глава посвящена анализу концепций турецкого нейтралитета, господствующих в историографии стран ближнего зарубежья. Автор отмечает единство историков из Азербайджана и центральноазиатских государств со своими турецкими коллегами по поводу политики нейтралитета и «политического одиночества» Турции ввиду «ненадежности партнерских отношений с западными участниками антигитлеровской коалиции», а также Советского Союза как «постоянно действующего внешнего фактора», игравшего ключевую роль при формировании внешнеполитического курса Анкары (с. 223). Принципиальные противоречия наличествуют исключительно в вопросах моральной оценки реакции Турции на нападение Германии на Советский Союз (с. 227). Подобная характеристика позволяет говорить о серьезном влиянии, которое турецкая историография (сама развивающаяся в тесной связи с историографией англоязычной) оказывает на историческую науку на постсоветском пространстве.

Трудно не согласиться с выводами автора о «политизации истории в Турции» (с. 224). Торжествующая в турецкой историографии «базовая концепция безопасности Турции в годы Второй мировой войны» (с. 227–228) преследует цель сформировать положительный образ турецкой политики «активного нейтралитета» в условиях глобального конфликта. Относиться к этому можно двояко. С одной стороны, очевидно, что применение данного образа в качестве орудия «мягкой силы» в тюркоязычном мире – в первую очередь на

постсоветском пространстве – способно потеснить паттерны, господствующие в историографии ближнего зарубежья со времен существования единой советской исторической науки, и стимулировать развитие ревизионистских подходов, направленных на переоценку действий ключевых участников мировой войны, в частности, СССР. Но с другой стороны, не следует ли искать корни современной способности турецкого правительства поддерживать дружественные отношения с противостоящими друг другу сторонами именно в той ситуации, в которой оказалась Анкара в годы Второй мировой войны? Если так, то анализ турецкой историографии, проведенный А.В. Болдыревым, дает отечественному читателю ключ к пониманию не только прошлого, но и настоящего, и даже будущего турецкой внешней политики, что позволяет рекомендовать данную работу самому широкому кругу читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Болдырев А.В. Внешняя политика Турецкой Республики накануне Второй мировой войны в публикациях современных турецких исследователей. *Восток (Oriens)*. 2022. № 2. С. 29–39 [Boldyrev A.V. Foreign Policy of the Republic of Turkey on the Eve of World War II in the Publications of Modern Turkish Researchers. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 2. Pp. 29–39 (in Russian)].

Болдырев А.В. Анкарское соглашение 1939 года и проблема casus belli для Турции. *Casus belli в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления*. Отв. ред. Л.С. Белоусов. СПб.: Алетея, 2023. С. 386–394 [Boldyrev A.V. The Ankara Agreement of 1939 and the Problem of Casus Belli for Turkey. *Casus Belli in International Relations in XIX–XX Centuries: Diplomacy, Ideology, War Preparations*. Ed. L.S. Belousov. Saint Petersburg: Aletheia, 2023. Pp. 386–394 (in Russian)].

Болдырев А.В. Турецкие историки о советско-турецких отношениях в 1939–1941 гг.: конвенция Монтрё и начало турецкого нейтралитета. *Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан)*. Сб. ст. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.М. Мамедова, Н.Ю. Ульянов. М.: ИВ РАН, 2023. С. 173–187 [Boldyrev A.V. Turkish Historians on Soviet-Turkish Relations in 1939–1941: the Montreux Convention and the Beginning of Turkish Neutrality. *The Muslim Area South of the Russian Borders (Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan, Ethnic Kurdistan)*. Collection of Essays. Ed. V.Ya. Belokrenickiy, N.M. Mamedova, N.Yu. Ul'chenko. Moscow: IOS RAS, 2023. Pp. 173–187 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОДИН Денис Валериевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Denis V. RODIN, PhD (History), Researcher of the Laboratory of Modern and Contemporary History of European and American Countries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.